

ние в образную строку «Страна, из коей век не возвращался путник, / У полных мужества отъемлет меч из рук» Но созданная им поэтическая строка была, очевидно, подсказана немецким выражением «*entwaffnen unsern Mut*» < «обезоруживают наше мужество» >

Освоение сентименталистской поэтики, культивирующей эмоциональную выразительность, сказалось в игре Муравьева многозначиями, восклицательными знаками, упомянутым междометием «ах!», которое он употребил дважды (в немецкой версии оно содержится лишь один раз) В то же время в русском переводе встречается и архаическая лексика — след прежней приверженности Муравьева к классицизму «ее противу стать и праться », «сотлеет персть сия», «превраты щастья», «хищника алчбу», «льзя» и т. д.

На основании отмеченной (см. примеч. 47) близости двух строк перевода Муравьева с прозаическим переводом А. А. Петрова, опубликованным в 1789 г., можно предполагать, что «Гамлетов монолог» был завершен именно тогда, тем более что, судя по рабочим тетрадям и письмам Муравьева, он вполне овладел английским языком только к концу 1780-х гг. И несмотря на то, что, создавая свой перевод, Муравьев, как мы старались показать, несомненно опирался на немецкий перевод-посредник, он все же, вероятно, учитывал и английский оригинал. Заметим в этой связи, что в 1780-е гг. и позднее Муравьев сотворил несколько фрагментарных переводов произведений английских поэтов, стремясь, вероятно, постигать таким путем своеобразие и сущность английской поэзии. Эти переводы — начало книги III «Потерянного рая» («Paradise Lost») Джона Мильтона, отрывок из заключения «Опыта о человеке» («Essay on Man») Александра Попа, отрывок из «Времен года» («The Seasons») Джеймса Томсона.<sup>48</sup> Как и «Гамлетов монолог», Муравьев, видимо, не предназначал переводы для печати, а делал для себя, так сказать, «в стол». При этом, однако, несомненно, что переводимые оригиналы так или иначе были в согласии с духовной жизнью русского поэта — его мировоззрением, настроениями и переживаниями. И мы можем полагать, что трагический монолог Гамлета был ему внутренне близок. В его переводе встречается даже некоторое усиление скорбной тональности за счет эмоциональных эпитетов.<sup>49</sup> Характерно в этом отношении воссоздание стро-

<sup>48</sup> РГБ, рукопись-конволют М. Н. Муравьева, л. 62 об., 65, 82.

<sup>49</sup> О значении эпитетов в его поэзии см. Петрова З. М. Эпитеты М. Н. Муравьева // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1958. С. 151–166.